

От редакции

Недавно вышла книга Светланы Сергеевны Неретиной и Александра Павловича Огурцова «Онтология процесса» (М.: Голос, 2014). В книге анализируются разные версии метафизики, в которой предметом исследования является процесс. Процесс интерпретируется как формы движения, как последовательность состояний, серии событий или свойства Dasein. Представлено разнообразие процессов от циклических до линейных, от обратимых до необратимых, от линейных до нелинейных. Показано различие между физическим временем и темпоральностью. Последняя понимается как схема и как образ времени, существующий в имманентном сознании, которое есть момент бытия. Темпоральность понимается также как способ расположения протяжённости (пролонгации? длительности?) бытия-сознания. Её формы исследуются на материале как истории философии (от Аристотеля до Хайдеггера), так и исторического сознания авторов хроник и историографов. Акцент, однако, сделан на внутренних (экзистенциальных, интеллектуальных) процессах, образующих вещь. Сама возможность вещи переходить из статуса действия в статус субстанциальности свидетельствует о том, что *вещь есть совокупность процессов*. И если раньше требовалось реабилитировать вещь, то теперь возникла необходимость раскрыть ее смысл: он — именно в процессуальности. Внутри вещной оболочки вскипает процессуальность. Говорить, произносить, мыслить образуют сгусток вещи. Она тогда и вещь, когда о ней говорят, её высказывают и её мыслят.

Книга предназначена для философов, психологов, теоретиков культуры и истории.

По любезному разрешению Светланы Сергеевны Неретиной публикуем одну из глав книги.

ГЕНЕТИЧЕСКАЯ ФЕНОМЕНОЛОГИЯ Э. ГУССЕРЛЯ И ТЕМПОРАЛЬНОСТЬ ИСТОРИИ

С.С. Неретина,

А.П. Огурцов

Институт философии РАН

Аннотация: В 2014 году вышла книга С.С. Неретиной и А.П. Огурцова «Онтология процесса» (М.: Голос, 2014). Журнал «Политическая концептология» публикует одну из глав книги.

Ключевые слова: статическая и генетическая феноменология, феноменология Гуссерля, темпоральность, рефлексивность феноменологии, «интенциональность», «горизонт», модус потока, «феноменологическое время, поэма и поэзис».

Статическая и генетическая феноменология

Гуссерль проводит различие между статической и генетической феноменологией. Статическая феноменология (СФ) анализирует взаимоотношения восприятия и воображения, виды образов, соотношение образа и символа. Отмечая их «сплавку» (*Verschmelzung* — слияние, переплавка) и их темпоральных форм, Гуссерль видит в их аналитическом рассмотрении, выстраивающем их в линейную последовательность идеализированную фикцию. Центральной темой феноменологии является феноменология восприятия. Но уже в ней фиксируется своеобразие времени, конституирующего восприятие. Актуализация (*Vergegenwärtigen*) определяет как конституирование образа, так и внутреннее переживание времени. Предмет восприятия должен существовать в прошлом восприятии, в образе, который конституируется как представление (*Vorstellung*) содержания: акт в настоящем времени, предмет — не в настоящем. Символ — это репрезентант подобия образа и объекта. В процедурах объективирующих актов, которые ответственны за единство актов идентификации, важны и интенциональность сознания, и созерцание. В своем анализе пассивных синтезов Гуссерль нередко называет объективирующие акты пустой интенцией, а взаимоотношение между интенцией и созерцанием представляет как статичное единство. Воображение восполняет до полной картины объект восприятия. В этом процессе подключения воображения к восприятию функционируют и различные формы переживания времени: восприятие, начиная с какого-то фрагмента объекта, переходит к другим его фрагментам и к воображению невидимых его сторон. Это означает, что пустая интенция представлена как потенция, как ориентированная на будущее. Увиденное не исчезает из сознания, оно сохраняется в нем как воспринятое в прошлом или как отсутствующие в настоящем фрагменты воспринимаемого объекта. Это означает, что здесь представлена ретенция как способ синтеза восприятий, причем она существует только в сознании. Различая актуализацию (*Gegenwaertigung*) и реактуализацию (*Vergegenwaertigung*), Гуссерль связывает с последней формой функционирования времени не просто значимость настоящего времени, но и форму наделения настоящим временем того, что когда-то существовало или может существовать. Акт восприятия включает в себя и точку «теперь» (настоящее) и ретенциальное сознание. Это позволяет объединить акты сознания — восприятие в настоящем и ретенцию — память о прошедшем. Это и означает, что восприятие обладает формой презентии (*Gegenwaertigung*).

Рефлексивный анализ актов и содержания сознания не тождествен интроспекции, в которой речь идёт о психологическом и эмпирическом человеке. В идентифицирующей рефлексии выявляется структура *Ego*, обнаруживается устойчивая структура Я — центр функций различных актов сознания как темпоральное ядро, обнаруживающее себя в актах само-темпорализации. Гуссерль допускает изначальную темпоральность как первичную и даже довременную (*vor-zeitliche*), которую можно рассматривать статически и генетически, т. е. как функционирующую в сопряжении своих форм и темпоральностей и как конституирующую себя в различных уровнях темпоральности. Рефлексивность феноменологии отнюдь не означает, что самосознание мыслится им в духе картезианства как вторичная интроспекция, направленная на сознание. Хотя такого рода отождествления и существуют (например, в «Картезианских размышлениях»), однако ход мысли Гуссерля иной — акт рефлексии, с которого начинается сознание, организует его временные горизонты и образует единство ретенции, восприятия и протенции. Так, звуки мелодии налагаются друг на друга, а их последовательность — это переплетение воспринимаемого «теперь» и ретенций в угасании звуков и в их связности.

Переход от статической к генетической феноменологии — это смена фундаментальных схем когнитивных актов, радикальное изменение как способов анализа феноменов, так и тех принципов, которые составляют особенности феноменологического метода эпохе. Если в статической феноменологии речь идёт об имманентных структурах бытия-сознания, анализиру-

емых под углом зрения схемы материя/ форма, то в генетической феноменологии центральным оказывается переживание времени и временность. Если в статической феноменологии выявляется содержание (материя) когнитивных актов вместе с когнитивными актами, то в генетической феноменологии — временные измерения самих когнитивных актов и их содержания. Материя трактуется как сырой материал когнитивных феноменов, а форма как интерпретирующая инстанция. Но самое главное — и в статической, и в генетической феноменологии речь идет об имманентном подходе к когнитивным актам и к тому содержанию, которое в них дано. Идея имманентности содержания и актов познания пронизывает всю феноменологию, однако угол зрения на когнитивные феномены и их содержание кардинально меняется: синтез трактуется не как структурный, существующий независимо от времени, а как протекающий во времени и схватывающий временные характеристики познаваемого содержания. Поэтому в статической феноменологии Гуссерль использует архитектурные метафоры — строение, слой, взаимоотношение слоев и др.

В «Логических исследованиях» замысел статической, или дескриптивной, феноменологии представлен в понятии «интенциональность», которая для Гуссерля равноценна акту и переживанию, т. е. он включает в интенциональность как процессуальную сторону акта, так и его содержание, которое позднее (после введения понятия «горизонт») он различит: «интенциональное переживание предстанет как более широкое понятие, а акт как акт *cogito*, акт сознания в модусе настоящего времени. Это произойдет в «Идеях к чистой феноменологии» и в других более поздних работах, где акцент делается на отчетливом тематизировании. В «Логических исследованиях» акты трактуются в рамках схемы значимости, и акцент делается не на предметном содержании, а на актах, или интенциоанльных переживаниях. Он полемирует с Ф. Brentano, для которого интенциональность — это отношение психических феноменов к некоему содержанию, а в основе всех психических феноменов лежит представление, акт представления. Гуссерль не соглашается с его пониманием феномена и с его трактовкой предметной стороны психических феноменов, когда реальное отождествляется с предметным содержанием актов сознания. Гуссерль возражает против трактовки акта как деятельности, подчёркивая, что мысль о деятельности должна быть исключена при введении понятия «интенциональность»: акты для него — это не психическое воздействие на предметное содержание, а интенциональные переживания. Иными словами, Гуссерль в «Логических исследованиях» далёк от использования понятия «акт», к которому он возвратится в «Идеях». Среди особенностей статической феноменологии, представленной в «Логических исследованиях», оказываются вычленение акта и интенционального содержания, т. е. предмета, материи и качества акта. Сущность акта соразмерна значению акта. Акты могут иметь одно и то же качество и одну и ту же предметность, но различную материю, которая есть способ предметного отношения и определяет предмет акта. Существуют различные виды актов — от объективирующих, различающихся по качеству и материи, до качественно сложных. Анализируя языковые выражения (от сингулярных терминов до *Sachverhalt* — отношений вещей, репрезентируемых в суждениях), Гуссерль видит в акте означивания определенный вид полагания какого-либо предмета. Он движется от переживаний к предметности через такое опосредствующее звено как значение. Правда, для него «отношение вещей» не воспринимается, и его можно трактовать как родовые единства и как идеальную предметность в отличие от текучести и лабильности индивидуального бытия. Иными словами, анализ языковых выражений и их редукция позволил Гуссерлю подойти к трактовке мира как целостности сингулярных вещей и идеальных сущностей — отношений вещей. К отношениям вещей, репрезентируемых в суждениях, приложимы критерии истинности и ложности. В «Логических исследованиях» (VI) он отмечает, что реальные предметы определяются временным отношением в то время, как идеальные предметы вневременны. Если «Логические исследования» трактовать как по-

строение теории смысла, то их содержание — анализ суждений, которые и репрезентируют собой идеальные вневременные отношения вещей¹.

Поворот к генетической феноменологии становится поворотом к обоснованию истории, исторического понимания, процесса познания и репрезентируемого в нем познаваемого содержания. Этот новый подход нашёл свое выражение в новой трактовке понятия «горизонт». В «Идеях к чистой феноменологии» развёртываются представления о внешнем и внутреннем горизонтах. Внешний горизонт — это тот предметный фон, на котором вычленяется отдельный интендируемый предмет, круг совместно данных предметов, в котором представлен отдельный предмет. Внутренний горизонт — это остающиеся неизвестными свойства предмета, которые могут стать актуальными. В статической феноменологии актуальные и потенциальные структуры сознания остаются различными видами интенции. В генетической феноменологии вводится временной порядок в анализ актуальных и потенциальных структур сознания — одни из них осознаются «до», другие — «после», одни «теперь», другие — «позже». Это означает, что в генетической феноменологии время становится модусом сознания, а сами предметы постижимы как последовательные ступени конституирования предмета.

В статической феноменологии трансцендентальное Я трактуется как пустой полюс. «Чистое Я» предстаёт как пустая фикция (правда, во втором издании «Логических исследований» Гуссерль самокритично назовёт эту мысль заблуждением, которое объясняется его отождествлением Я с метафизикой Я). Уже в «Идеях I» Гуссерль осознает, что Я — субъект своих *cogitationes* и трансцендентальное Я обладает историей — не только прошлыми привычками, но и апперцепциями. Позднее в «Картезианских размышлениях» он заметил: «Это центрирующее Я — не пустой полюс тождественности (точно также таковым не является какой-либо предмет); напротив, в силу закономерности трансцендентального генезиса, с каждым исходящим из него актом, несущим новый предметный смысл, оно приобретает новое устойчивое и характерное свойство. Если, например, я в каком-то акте суждения впервые принимаю решение относительно некоторого бытия и так-бытия, то этот мимолётный акт проходит, но отныне я есть, я пребываю как так-то и так-то решившее Я, я придерживаюсь соответствующего убеждения» [Гуссерль 2001: 58].

В генетической феноменологии Гуссерль вводит понятие «апперцепция» для того, чтобы отделить его от понятия «перцепция» — «восприятие» в статической феноменологии. Восприятие коррелятивно определённого бытию предметов, которое актуально дано в настоящий момент — «теперь». Генетический подход к когнитивным феноменам подчёркивает, что сознание является непрерывным потоком, а не просто следованием одного акта после другого, не последовательностью актов, когда один проистекает из другого.

Различая три формы, или уровня, генезиса — генезис пассивности, взаимосвязи пассивности и активности, генезис активности, Гуссерль показывает, что результаты этих трех видов генезиса седиментируются, становятся отложениями, становятся привычными, хабитализируются, становятся чем-то само собой разумеющимися и не нуждающимися в активности Я. Это осаждение происходит как бы автоматически, а пробуждение этих само собой разумеющихся отложений предполагает активность Я.

Наивысшей формой генетического синтеза является активный генезис — способ конституирования идеальных предметностей сознания и чистого сознания. «Что касается имманентных данностей и, особенно, данных ощущений, то каждое „теперь“ приносит новое» [Husserl 1966: 106]. Иными словами, даже относительно чувственных данных, которые раньше рассматривались под углом зрения схемы «материя/форма», вводится временная размерность — они трактуются с позиций времени настоящего, с точки зрения «теперь». И эта точ-

¹ Отметим, что и в «Логических исследованиях» существуют страницы, посвящённые проблемам времени [Гуссерль 1988].

ка зрения влечёт за собой выявление нового — новых аспектов, новых ракурсов рассмотрения.

В 1907 г. в Геттингене Гуссерль читает пять лекций «Идея феноменологии», которые публикуются в том же году. Определяя феноменологию как учение о сущности, в которое входит и теория познания, он обращается к длению звука для того, чтобы продемонстрировать своеобразие феноменологического анализа переживания времени: «Скажем, звук длится. Здесь мы имеем очевидным образом данное единство звука и его временной интервал со своими временными фазами, фазой *Теперь* и фазами прошедшего (*Vergangenheitsphasen*); с другой стороны, если мы рефлектируем, феномен дления звука (*Tondauer*), который сам является временным, имеет свою соответствующую фазу *Теперь* и свои фазы бывшести (*Gewesenheitsphasen*)» [Гуссерль 2006: 62]. В этих лекциях уже возникает тема конституирования, которая будет развёрнута позднее — в «Идеях к чистой феноменологии». Здесь же она ставится как задача и намечена пунктиром в ходе критики теории познания: «довольно просто в общем говорить о корреляции, но очень трудно привести к ясности тот способ, каким объект познания конституируется в познании. Задача теперь в следующем: исследовать в пределах чистой очевидности или само-данности все формы данности и все корреляции и заняться разъясняющим их анализом» [Там же: 66]. Феноменологию Гуссерль называет метафизикой, задача которой в проникновении в существо познания и его предметов, «в смысл различных фундаментальных корреляций между познанием и предметностью познания» [Там же: 84]. Гуссерль говорит о гераклитовском потоке феноменов, подчеркивает темпоральный характер переживаний времени в восприятии, в воспоминании и в фантазии, отмечает конституирующий в феноменах характер предметности — реального бытия-Теперь, бытия-бывшим и бытия-настающим. Речь идёт о способах данности и самоконституировании (*Sichkonstituieren*) различных модусов предметности, о «замечательной корреляции» между формами сознания и способами данности предметности.

Анализ переживаний времени и их схематизмов в «Феноменологии внутреннего сознания времени»

Тема анализа модусов временного сознания и конституирования из них модусов предметности этих актов станет центральной в «Феноменологии внутреннего сознания времени» — рукописи, написанной в это же время (в 1907 г.), но опубликованной Хайдеггером лишь в 1928 г. в «*Jahrbuch für Philosophie und phänomenologische Forschung*» (Bd. IX). Именно с проблематикой переживания временности Гуссерль и связывает феноменологическое расширение теоретико-познавательной постановки философской тематики и притязаний феноменологии стать метафизикой.

Сразу отметим, что, во-первых, речь у Гуссерля идёт о переживании (*Erlebnis*) времени. Тот термин, который использует Гуссерль, — термин «переживание» непосредственно связывает его с философией Дильтея, хотя он большое число страниц посвятил критике учения о мировоззрении Дильтея как свидетельству скепсиса в современной ему философии.

Обратим внимание, во-вторых, и на то, что он не ведёт исследований феноменов языка или речи, репрезентирующих прошлое, настоящее и будущее время, хотя, само собой разумеется, обращается к языковым выражениям при анализе тех или иных форм переживания времени. Гуссерль говорит о сугубо внутренне-душевных процессах — о внутреннем сознании времени. Если вспомнить терминологию модистов, то можно сказать, что феноменология делает приоритетными модусы сознания (*modi cogitandi*), вынося за скобки модусы обозначения (*modi significandi*) и модусы бытия (*modi essendi*). Вернее, модусы бытия она анализирует как сопряжённые с сознанием, как коррелятивные сознанию, как имманентные сознанию. Во всяком случае, Гуссерля мало интересуют модусы обозначения, т. е. способы репрезентации сознания в языке. Он так же, как Декарт, стремится вынести их за скобку для того, чтобы

постичь сущность сознания как чистого сознания, даже не «запачканного» языковыми репрезентациями. И это происходит в то время, как европейская философия осуществляет поворот к проблематике языка, начинает видеть в языке не просто пластичное, лабильное и гомогенное воплощение сознания, а способ уяснения и анализа философско-логических проблем, когда именно в языке она усматривает исток и тайну метафизики и логики. Гуссерль остался в стороне от этого движения европейской философии в критике и в анализе языка, которое представлено не только именем Ф. Ницше, но и именем Ф. Маутнера.

Стремление прорваться к «самой сущности», узреть ее, сформировать новый взгляд на метафизику как на учение о сущности противостояло тем тенденциям, которые отличали европейскую жизнь начала XX в. — её динамизму, мобильности, изменчивости во всем и вся — от моды до технических нововведений.

Более того, интерпретация времени как переживания временности, как внутреннего сознания времени не соответствовало и достижениям естествознания, которое сделало своим предметом эволюционирующие объекты исследования. Это относится и к теории эволюции Дарвина, которая стала, по словам одного из критиков эволюционизма — Данилевского, не просто модой, а современным мировоззрением [Данилевский 1885: 4]². И физика на рубеже XIX–XX вв. сделала объектами своих исследований различного рода процессы — излучения, электродинамические и космологические процессы. Это относится не только к электродинамике Максвелла, но и к теориям «тепловой смерти Вселенной» и др. Изменилось само понимание движения, которое более не отождествлялось с механико-кинематическим или механико-динамическим перемещением, а стало трактоваться более широко как некая изменчивость, внутренне присущая природным явлениям и процессам.

Кроме того, акцент на переживании и на сознании времени, который делает Гуссерль, обусловлен, в-третьих, его неприятием измерения времени и различных измерительных приборов и процедур измерения времени. Если душа и её душевные состояния мыслятся по образу и подобию объективности, то это означает, что можно найти способы измерения как физического, объективного времени, так и внутреннего сознания времени. Такие способы измерения внутреннего времени разрушают его, объективируя, превращают в физическое время. Известно, что Гуссерль после выхода в свет работы Хайдеггера «Бытие и время» подарил своему ученику часы, намекая на то, что этот полуавтомат, служащий для измерения времени, превращает внутреннее сознание времени в нечто объективное — в ход часовой стрелки, и этот процесс превращения темпоральности в физическое время остаётся вне поля зрения и феноменологии, и фундаментальной онтологии.

В-четвёртых, анализируя модусы временного сознания, Гуссерль обращается к схематизмам времени, которые уже выявил Кант в «Критике чистого разума» при исследовании форм теоретического синтеза в модусах схватывания представлений как модификаций души в созерцании (*Apprehension*), воспроизведения (*Reproduction*) их в способности воображении и узнавания (*Recognition*) их в понятии. Гуссерль называет эти модусы темпорального синтеза иначе, чем Кант: время-сознание представлено в *Präsenzzeit* — в актуальном времени как континууме точек Теперь, в ретенции, репрезентируемой памятью и воспоминаниями, и в протенции, представленной в ожидании.

Что же, феноменология осталась в стороне от этого движения естествознания к процессуальной трактовке природы? Первые страницы работы «Феноменология внутреннего сознания времени», казалось бы, позволяют ответить положительно на этот вопрос. В первом параграфе «Исключение объективного времени» Гуссерль проводит мысль о том, что феноменология должна отвлечься от понимания времени как объективного процесса, исключить из своего рассмотрения время как объективный процесс. Однако дело обстоит гораздо сложнее.

² Данилевский писал: «<...> учение это содержит в себе особое мирозерцание, высший объяснительный принцип, не для какой-нибудь частности, хотя бы и самой важнейшей, но для целого миростроения, объясняющий собою всю область бытия».

Для Гуссерля сознание времени включает в себя временную структуру самого бытия, сознание всегда сопряжено с бытием, оно коррелятивно бытию. Поэтому анализ сознания времени предполагает и анализ тех онтологических структур времени, которые представлены в сознании.

Эти онтологические динамические структуры ещё надо «вышелушить» из бытия-сознания. Сопоставляя феноменологический анализ сознания времени с анализом сознания пространства, Гуссерль замечает: «Феноменологические данные суть постижения времени (*Zeitfassungen*), переживания, в которых является временное в объективном смысле» [Гуссерль 1994: 7]. Называя трансценденцией объективное пространство, объективное время, объективный мир действительных вещей и процессов, Гуссерль ищет другой путь постижения объективного времени. Это путь анализа различных модусов постижения (*Auffassungen*), в которых выявляется некоторое содержание: «Пережитое содержание «объективируется», и теперь объект конституируется из материала пережитых содержаний в [определённом] модусе схватывания (*Auffassung*)» [Там же: 10]. Объективность конституируется в опыте, в единстве опыта и прежде всего — в характере постижения. Гуссерля «интересуют переживания в их предметном смысле и их дескриптивном содержании» [Там же: 11]. Он полемизирует с дескриптивной психологией Ф. Brentano, который приходит к отрицанию восприятия последовательности и изменения и усматривает в них лишь видимость, поскольку для него реально лишь переживание мига Теперь, постоянно исчезающее и становящееся нереальным. Исток этих представлений — в разделении акта и содержания, содержания постижения и постигаемого предмета. Это разделение присуще и первичным переживаниям и последующим постигаемым объектам и постигающим актам. Согласно Brentano, сознание временной последовательности обусловлено некоторой точкой Теперь, в которую сознание стягивает предмет. Этот подход Гуссерль называет «догомой моментальности сознания целого», подчёркивая, что «остаётся все-таки вопрос, каким образом следует понимать схватывание трансцендентных временных объектов» — процессы в вещах, движение, изменение [Там же: 24]? И даёт ответ на этот вопрос, который позднее будет детализирован и проанализирован во всех модусах постижения: «Объекты этого рода конституируются в многообразии имманентных данных и схватываний, которые сами протекают как последовательность» [Там же: 25]³. Для Гуссерля несомненно, что восприятие временного объекта обладает временностью, что восприятие обладает длительностью, что существует временная форма восприятия. Но тут же он подчёркивает: «Объективная временность каждый раз конституируется феноменологически и только благодаря этому конституированию присутствует для нас в сфере явлений». Гуссерль обращается к анализу звучания определённого тона, который имеет определённое временное протяжение, и подчёркивает, что мы слышим только актуальную фазу тона (только в миге Теперь), что существует континуум актов восприятия звука, воспоминание о нем и его ожидания, что объективность длящегося звука конституируется из этого континуума. Таков исходный пункт феноменологического анализа сознания времени, который развёртывается в осмыслении различных актов сознания и их содержаний. Прежде всего, он отмечает, что звук начинается и прекращается, что он исчезает в прошлое, хотя и удерживается некоторое время. Это переживание времени он называет ретенцией. Кроме того, начинающийся звук осознаётся в модусе Теперь как множество точек Теперь. Длящийся звук представлен как последовательность этих точек Теперь, дан как являющийся имманентно-временной объект в постоянном потоке, а длительность — это теперешняя, актуальная длительность, а затем «истекшая» длительность, ещё осознаваемая в воспоминании [Там же: 27].

Переходя к обнаружению и способу описания темпорально конституирующего сознания, т. е. «сознания, в котором конституируются временные предметы с их временными определённоностями» [Там же: 29], он проводит различие между имманентным объектом и объек-

³ Хотелось бы отметить неадекватность перевода немецкого *Auffassung* как схватывания. На наш взгляд, адекватно переводить как «постижение», «концептуализация», если иметь в виду различение концепта и понятия.

том в определённом модусе потока (*Ablauf*). Явление и есть объект в определённом модусе. Модусы потока — это непрерывность постоянных изменений, образующих неразрывное единство, не поддающееся разделению на фазы, но в которых можно выделить точки непрерывности потока. Точка Теперь образует начало временного имманентного объекта. Непрерывность потока длящегося объекта является континуумом различных фаз — актуального Теперь и постоянно расширяющегося прошлого.

Анализируя непрерывность актов восприятия, Гуссерль вводит некоторое первичное впечатление (*Urimpression*). Это первичное впечатление образует темпорально-конститутивный континуум, непрерывно порождая одну модификацию точки Теперь за другой. Анализируя работу сознания, Гуссерль усматривает в этом первичном впечатлении его основание: «сознание ничто без первичного впечатления» [Там же: 110]. Оно составляет точку Теперь, переходящую в ретенцию, т. е. уходящую в прошлое и становящуюся бывшим звуком: «Тональное Теперь (*das Ton-Jetzt*) превращается в бывшее тональное Теперь (*Ton-Gewesen*). Импрессиональное сознание текучим образом постоянно переходит во всё новое ретенциальное сознание» [Там же: 32]. К этим ретенциям присоединяется непрерывность ретенциальных изменений восприятий, модифицируя и самую ретенцию, и первичное впечатление. Восприятие, переходя в ретенцию, затухает, бледнеет и т. д., но существенно, что ретенциальный звук не существует реально, а представляет собой отзвук, который напоминает о прошедшем звуке, представляет его, становится интуитивным опытом прошлого, сознанием только что бывшего. Фиксируя наличие определённых слоёв в сознании времени, Гуссерль отмечает существование первичной памяти, первичной фантазии как «источников спонтанных продуцирований» [Там же: 111]. Эти слои первичных и вторичных феноменов сознания времени наслаиваются друг на друга, переходят друг в друга и обладают квази-темпоральным характером в статичной феноменологии.

Вместе с анализом ретенций сознания Гуссерль начинает анализ памяти и воспоминаний как особого модуса сознания и его временности. «Того, что вспоминается, нет, конечно, теперь — иначе оно было бы не бывшим, но настоящим <...> Сравнение того, что больше не воспринимается, но только ретенциально осознаётся, с чем-то вне его не имеет никакого смысла» [Там же: 38]. Воспоминание, будучи вторичной памятью, является временным воспроизведённым настоящим и прошлым, воспроизведённым, но не настоящим, не воспринимаемым, не первично данным созерцаемым прошлым [Там же: 49]. Модусом памяти является репродукция, т. е. воспроизведение, повторение как бы восприятий предмета. Итак, восприятие ориентируется на настоящее время, а память — на прошлое, или на ретенцию. «Сознание прошлого конституирует, однако, не Теперь, но скорее «только что бывшее, интуитивно предшествовавшее [определённому] Теперь» [Там же: 45]. Ретенция обеспечивает сознание «только что прошедшего», Описывая соотношение ретенции и репродукции, Гуссерль полагает, что воспроизводящий акт темпорально протяжен точно так же, как и предыдущий акт восприятия [Там же: 50], что благодаря репродукции сознание модифицируется, превращая, например, звук из актуального Теперь в репродуцированное, в непрерывность градаций воспоминаний о прозвучавшем звуке. Репродукции отличаются по своей ясности. Совпадение ретенций с репродуцированием и создаёт очевидность сознания времени.

Осознание временной последовательности отнюдь не означает, что имело место какое-либо «объективное событие в том смысле, в каком я его схватываю» [Там же: 53]. Важно зафиксировать последовательность являющихся содержаний, или явлений. Это означает, что «процесс пришёл к данности и эта последовательность явлений состоялась» [Там же: 54]. Характеризуя различие между фантазией и воспоминаниями, Гуссерль обращается к введённому им понятию двойной интенциональности воспоминаний, когда на первичную, темпорально конститутивную интенциональность накладывается вторичная интенциональность, воспроизводящая поток переживаний как единство и модифицирующая его благодаря схематизму репродукции, объединяет «в некоторое конститутивное целое — единство вспомненного»

[Там же: 55]. В воспоминании как реактуализации сознания представлены двоякая интенциональность: с одной стороны, интенциональность сознания в котором «прошедший длящийся объект был дан, т. е. воспринят или вообще первично конституирован» [Там же: 57] и, с другой стороны, интенциональность репродукции сознания «прошлого» или «будущего» с присущей ей передним планом и фоном и с собственной темпоральностью. «Воспоминание существует в постоянном потоке, а не только соединяется в цепь звено к звену. Скорее каждое Новое воздействует обратно на Старое, его идущая вперёд интенция осуществляется и при этом определяется и придаёт репродукции определённую окраску» [Там же: 58].

«Я вспоминаю о некотором событии: в воспоминании содержится воображаемая явленность события, которое является вместе с фоном явленности, к которому я сам принадлежу...» [Там же: 116]. Явленность воспоминаний модифицируется, возникают воспоминания о воспоминаниях, фантазмы первичного и вторичного уровней. В этих феноменах сознания происходит движение от точки актуального Теперь, представленной в восприятии, к новой точке Теперь, представленной в воспоминаниях и в фантазмах, которые оказываются феноменами «как-бы-сознания», т. е. они представлены в различных модусах сознания времени, не содержащих в себе «точку Теперь-представления-настоящего». К такого рода модусам сознания времени принадлежат воспоминание и ожидание.

Задав вопрос о том, каков же модус данности процессов, репрезентируемых этими формами сознания времени, Гуссерль отмечает, что различие между воспоминанием и ожиданием заключается в способах конституирования предметностей этих форм сознания времени: в воспоминаниях репродукция прошедшего события допускается лишь с точки зрения значимости этого события для сознания, сама эта значимость, фиксируя неопределенность воспоминания, свидетельствует о той или иной степени совершенства этого воспоминания. «Здесь речь идет о следующих вопросах: действительно ли я видел, воспринимал, действительно ли я имел это явление, именно с этим содержанием?» [Там же: 60]. Иное бытие представлено в интенциональности ожидания — бытие-становящееся-воспринятым (*Wahrgenommen-sein-werdendes*): «когда появляется ожидаемое, т. е. становится настоящим, то настоящее стало относительно прошлым». В фантазии конституируется квази-объект, а единство фантазии представлено в квази-времени.

Если сознание ожидания — это модус бытия, становящегося воспринятым, то воспоминание — это модус бытия, бывшего воспринятым. Таково различие в способах данности бытия, которое почерпнуто из анализа предметной и сохраняющейся интенциональности различных модусов сознания времени. «Объект как темпоральная материя, как то, что имеет временную позицию, временное протяжение, как то, что длится и изменяется, как то, что есть теперь и затем есть бывшее, берет свое начало чисто из объективации содержаний схватывания (постижения. — Авт.)» [Там же: 66]. Эти объекты — темпоральные объекты, они «созидаются в последовательности как континуум первичных впечатлений и ретенций» [Там же: 66].

Как же определить тождественность временных позиций? Как можно понять конституирование объективности индивидуальных временных предметов и процессов? Объективное время представляет собой, по мнению Гуссерля, инвариант преобразований и изменений сознания времени: «Во временном потоке, в непрерывном погружении в прошлое конституируется не протекающее, абсолютно устойчивое, тождественное, объективное время. Это проблема» [Там же: 68]. Стремясь выявить способы конституирования предметностей сознания времени, Гуссерль обращает внимание на различные стороны постижения, которые представлены в восприятии, воспоминании и ожидании. Одна сторона объективации представлена в качественном содержании материала восприятий, вторая сторона — в постижении «репрезентантов временных позиций» [Там же: 70], т. е. данности настоящего, данности прошлого и данности ожидаемого. Причём эти формы данности конституируемы из интенциональности сознания: «Предметность предполагает сознание единства, сознание идентично-

сти» [Там же: 72], «тождественную абсолютную ценность времени (*Zeitwerte*)» [Там же: 73]. Обсуждая вопрос о том, в чем же состоит эта абсолютная ценность времени, Гуссерль исходит из того, что «объективированное абсолютное время с необходимостью идентично то же самое, что и время, которое принадлежит ощущению и схватыванию» [Там же: 76]. Иными словами, он не допускает никакого различия между тем, как представлено сознание времени в многообразных индивидуальных позициях, и объективным временем: «время восприятия и время воспринятого идентично то же самое» [Там же: 76]. Тождество временных объектов — это продукт конституирования единства возможных идентифицирующих совпадений воспоминаний [Там же: 122]. Поэтому строгая одновременность восприятия и воспринятого выводится Гуссерлем из имманентности сознания и из единства рефлексии и ретенции. Проблема, которая была центральной для генезиса теории относительности, — объяснение одновременности наблюдений в разных системах отсчёта, решается Гуссерлем спекулятивным образом — допущением единства рефлексии и ретенции, некоей абсолютной субъективности, которая охватывает «все сразу» и «вместе» актуальные и бывшие восприятия, конституируемые и в своей последовательности, и в своей одновременности. Иными словами, объективное время является одной стороной в имманентном сознании времени, которое присуще абсолютной субъективности, конституирующей единство в потоке и, будучи Единым и Идентичным, сохраняющей модусы сознания. В этой самотождественной, абсолютной субъективности «имеет место длительность и изменение длящегося» [Там же: 87] и существует «самоявленность потока», благодаря чему поток и постигается необходимым образом в своем течении [Там же: 88]. С помощью поворота внимания переживание получает благодаря рефлексии новое бытие: оно различается, выделяется, становится бытием постигаемым. В абсолютном сверхвременном потоке сознания, или абсолютной субъективности, представлено единство рефлексии и ретенции, функциональная неразличимость фазы Теперь, ретенции и протенции. По сути дела, допуская вневременной поток сознания, Гуссерль допускает вечность как тот слой сознания, который находится вне времени — и объективного, и темпорального.

Если резюмировать тот генетический анализ сознания времени, который представлен в этой работе Гуссерля, то надо сказать, во-первых, что детализированное и кропотливое описание многообразных темпоральных актов осуществляется им двояким образом — как автономно друг от друга, так и в их взаимной модификации, взаимной соотнесенности и коррелятивной изменчивости; во-вторых, что из интенциональности сознания времени он выделяет специфические единые структуры, свидетельствующие о своеобразных модусах длящегося бытия, репрезентируемых в последовательности этих актов временного сознания — восприятия, воспоминания и ожидания. В-третьих, схематизмами времени, которые объединяют эти акты временного сознания, являются бытие, данное и постигаемое в миге Теперь, в ретенции и в протенции. Эти формы синтеза представлены в различных актах сознания, в которое включено бытие, сознания, которое сопряжено с определенным бытием. Неразрывность сознания и способов бытия, из которого исходит идея интенциональности сознания, приводит феноменологию к осознанию бытия как вовлечённого в сознание, а сознание как охватывающего собой бытие в разных своих модусах. В-четвёртых, темпоральное сознание, или сознание-времени, его различные модусы имплицитным образом предполагают допущение вневременной абсолютной субъективности, т. е. вечности. Длительность темпорального сознания не может быть осмыслена без такого рода допущения, которое оказывается точкой отсчёта для темпорального сознания. Существенно и то, что на первый план после этой работы, остававшейся, к сожалению, около двадцати лет в рукописи, выдвигается понятие конституции и связанная с ним новая интерпретация рефлексии, которая относится уже не к внутреннему сознанию времени, а к объективирующей актуализации и реактуализации живого опы-

та — жизненного мира и его исторически раздвигающихся горизонтов⁴. Новая тематика и стала предметом обсуждения в трёхтомной работе «Идеи к чистой феноменологии».

Анализ темпоральности в «Идеях к чистой феноменологии»

Существенным сдвигом при переходе от статической феноменологии к генетической является введение процессуальных характеристик феноменологического опыта, прежде всего введение процедуры конституирования. Эта процедура стала предметом исследования Р.Сokolовского [Sokolowsky 1964], который подчеркнул её значимость для генетической феноменологии, ориентирующейся на постижение движения, процессов, непрерывного потока впечатлений и актов мысли вместе с их текучим содержанием.

В «Идеях» Гуссерль проводит различие между нозмой и ноззисом, делая акцент на нозетическом анализе. Расширяя круг проблем феноменологических исследований, он включает в него не только анализ восприятия, но и фантазии, воспоминаний, образного сознания. К этому времени Гуссерль уже привлёк к своему исследованию осознание реактуализации (*Vergegenwaertigung*), коренящееся в различных модусах переживания времени, провел различие между эксплицитными и имплицитными переживаниями и теми структурами, которые лежат в их основе (перцепция и актуализация в эксплицитных переживаниях, апперцепция и реактуализация — в имплицитных переживаниях). Но при всем многообразии актов переживаний, описанных Гуссерлем, в центре его внимания познавательные акты, а феноменология в таком случае предстаёт как определённая теория познания. Акты теоретического синтеза он трактует как акты теоретико-познавательные, которые включают в себя два вида синтеза — селективного, в котором выносятся за скобку все неverifiedируемые феномены, и конструктивного, в котором достигается гармония между верифицированными и перспективными феноменами, формируется эпистемически единый контекст, а исследовательские стратегии определяются категориями и их рамками [Spiegelberg 1974: 565 — 573].

В параграфе 81 первого тома «Идей», который называется «Феноменологическое время и сознание времени» Гуссерль определяет переживание с помощью понятия «феноменологическое время». Это феноменологическое время отличается от объективного, или космического времени. Будучи единой формой всех переживаний в некоем потоке переживаний, феноменологическое время не поддаётся измерению ни с помощью фиксации восхода солнца, ни с помощью часов или каких-либо иных физических средств. Оно вообще не поддаётся измерению. Гуссерль не отрицает того, что в переживании и его моментах можно представить трансцендентное время, но этот способ его репрезентации будет лишь подобным явлению, но не самим явлением: космическое время репрезентирует лишь вещные моменты сущности мира, чувственные качества вещи. «Любое действительное переживание (мы совершаем эту очевидность на основе ясной интуиции некоей действительности переживания) необходимым образом длится; и вместе с этой длительностью упорядочивается некоторый бесконечный континуум длений — возможный континуум. Необходимым образом он обладает всесторонне бесконечно исполненным горизонтом времени. Можно сказать: он принадлежит бесконечному «потоку переживаний» [Там же: 198]. Однако поток переживаний не может ни начаться, ни завершиться. «Я направляет на это переживание свой чистый взгляд-Я и схватывает его как действительно сущий, соответственно как длящийся в феноменологическом времени» [Там же: 198]. Феноменологическое время, которое Гуссерль называет в отличие от физического времени *Zeitlichkeit* — временностью, состоит из модусов «теперь», из непрерывно-

⁴ Эти мотивы уже представлены в ряде рукописей Гуссерля, написанных в 1898–1925 гг., в частности, «*Bernauer Manuskripte*» и рукописи о фантазии, образном сознании и воспоминании (См.: *Husserl E. Die Bernauer Manuskripte // Husserliana. Bd. XXXIII. Haag. 198; Phantasie, Bildbewusstsein, Erinnerung. Zur Phaenomenologie der anschaulichen Vergegenwaertigungen. Texte aus dem Nachlass (1898 — 1925) // Husserliana. Bd. XXI. Haag, 1980.*

сти постоянно новых модусов «теперь». «Это непрерывность форм постоянно нового содержания» [Там же: 199]. Фаза впечатления как пограничная фаза непрерывности ретенций, которые не сохраняются на том же самом месте, а непрерывно-интенционально соотносимы друг с другом, будучи непрерывным переходом друг в друга от ретенции к ретенции. «Форма постоянно получает новое содержание, следовательно, непрерывно присоединяется к любому впечатлению, в котором дано переживание-теперь, к соответствующим новым, непрерывно новым точкам дления; впечатление непрерывно превращается в ретенцию, которая непрерывно превращается в модифицированную ретенцию и т. д.» [Там же: 199]. Временность представлена в моментах «теперь», «до», «после», «одно после другого», «одновременно» и оказывается континуумом ретенций. Каждое переживание, возникающее и происходящее «теперь», исчезает, становясь бывшим переживанием, переживанием, уходящим в прошлое, — ретенцией. Вместе с тем в континууме переживаний есть и переживания, которые возможны в будущем. Их Гуссерль называет протенциями.

Континуум переживаний обладает горизонтом «до» и «после». Горизонт «до этого» Гуссерль называет «пустой формой без содержания», «нонсенсом», поскольку необходимым образом он имеет значение прошедшего «теперь», которое схватывается в этой форме чего-то прошлого, прошедшего переживания <...> Любое переживание-теперь обладает горизонтом «после этого», и оно не является пустым горизонтом...» [Там же: 200]. «Ни одно переживание не может превратиться без осознания прекращения и прекращённости, и оно есть по-новому заполненное „теперь“» [Там же: 200]. Гуссерль вновь обращается к метафоре потока переживаний чистого Я — поля феноменологического времени, который представлен в трех измерениях «до», «после» и «одновременно» и образует некое единство, поток временных единиц переживания. «Поток переживаний, — а это мой поток, поток переживаний меня, мыслящего, — в сколь бы огромном объёме ни оставался он непонятным, в какой бы мере ни оставался он неизвестным в своих уже протекших и ещё только бегущих областях, — я, когда я гляжу на текущую вокруг жизнь с её действительно настоящим и постигаю при этом себя как чистого субъекта этой жизни <...> говорю просто и с необходимостью, я есмь, эта жизнь есть, я живу; *cogito* <...> Вот такое особо отмеченное, выделенное положение дел существует только в отношении „я“ и его потока переживаний в отношении к нему же самому. Здесь и только здесь имеется имманентное восприятие, только здесь оно должно иметься». Надо сказать, что метафора «потока переживаний» использовалась до Гуссерля — Brentano, У. Джеймсом, Бергсоном, которые подчёркивали непрерывность и временность как важнейшие характеристики работы сознания. Однако если для Джеймса непрерывность и временность сознания были обусловлены предугадыванием целого и связано с тождественностью восприятия предмета, то для Гуссерля это лишь один из способов анализа сознания — анализа восприятия, который должен быть дополнен и раскрыт в изучении временности и непрерывности других феноменов сознания — прежде всего памяти, ожидания и конституирования из их интенциональности объективных процессов. Кшиштоф Михальский, характеризуя метафору «поток времени», считает, что эта метафора «позволяет себя описать только метафорически, тогда как живое время — только с перспективы настоящего времени, текущее — только с перспективы готовых предметных форм. Метафора — неотъемлемый компонент описания» [Михальский 2010: 184].

Иными словами, гераклитовский подход к феноменам сознания-бытия необходимым образом репрезентируется метафорой «поток времени», и ей противостоит иная — парменидовская метафора — метафора инвариантности бытия-сознания⁵. Эти метафоры образуют фундаментальную основу для философских дискурсов, которые не просто строятся на их основаниях, но и разворачивают её в аналитических конструкциях и расчленениях. Философ-

⁵ Ещё предстоит осуществить сопоставление интерпретаций философии Парменида в работах М. Хайдеггера и К. Поппера. См. об этом статью С.С. Неретиной «Инвариантность и рост знания: К. Поппер и Парменид» [Неретина 2012].

ские дискурсы оказываются вторичными относительно этих метафор, которые задают вектор рассмотрения и способ анализа переживания времени в различных феноменах сознания. Феноменологический анализ переживаний времени коренится в гераклитовской метафоре «поток сознания». Это форма самоописания сознания и этот способ анализа сознания-бытия не может исключить эту метафору: она образует ту систему отсчёта, которая определяет аналитические размерности модусов постигаемого времени.

В параграфе 83 «Схватывание единого потока переживаний как „идея“» Гуссерль обсуждает проблему горизонта переживаний, его безграничности и прогресса, если речь идёт о взаимосвязи переживаний: горизонт феноменологической временности рассматривается им не только в его трех измерениях, но и в различии модусов данности. «В соответствии с этим существует переживание, которое стало объектом взгляда Я, — это модус увиденного, его горизонт — не увиденные переживания; существует переживание в модусе „внимания“ и соответственно в повышающейся ясности схватываемого, горизонтом существующая на заднем плане, с различием относительно ясного и тёмного, выделенного и невыделенного» [Husserl 1966: 201–202]. Переживание, постигаемое как единство, является не сингулярным переживанием, а «идеей в кантовском смысле» [Там же: 202]. Переживание трактуется как абсолютная и несомненная данность (*Gegebenheit*). «Потоку переживаний и его компонентам принадлежит ряд различных модусов данности, систематическое исследование которых должно составлять главную задачу всеобщей феноменологии» [Там же: 202]. В ней переживание не рассматривается отдельно друг от друга, не исследуется как нечто сингулярное и самостоятельное, а как нечто взаимосвязанное с другими переживаниями и репрезентированное в чистом Я — феноменологической модели когнитивных актов. Итак, в «Идеях» Гуссерль обращается к метафоре потока переживаний, который представлен в трех модусах феноменологического переживания времени — «до», «после» и «теперь». Сознание представляет собой поток различных типов переживаний (например, восприятия, воспоминания, ожидания и т. д.). С помощью феноменологической редукции и рефлексии Гуссерль освобождается от конкретности и непосредственности переживаний с тем, чтобы обратиться к чистому сознанию. Основная черта чистого сознания — самоданность и сущностное созерцание сущностей. Это означает, что его характеристикой становится очевидность и возможность созерцания сущности чистого Я и сущностного узрения предметности, присущей интенциональным предметам. Феноменология и трактуется как описание двуединого процесса — усмотрения сущности чистого сознания и сущностного описания интенциональной предметности. Однако сознание включает в себя три момента: Я (*Ego*), которое скрыто в грамматической форме единственного числа *cogito*, акта *cogito* и *cogitatum* — предметном содержании и предметных модусах сознания. Чистое сознание обладает свойством временности (*Zeitlichkeit*). Эти три момента исследуются Гуссерлем в «Идеях» как единство ноэмы, ноэзиса и Я.

В «Идеях» Гуссерль отдаёт приоритет структурам чистого Я, трактуя феноменологию как эгологию, как учение о чистом Я, о чистой или абсолютной субъективности. Естественно, что феноменология отвлекается от существования эмпирического сознания, строит чистую модель сознания, стремясь выявить структурные, или сущностные, моменты этой модели, не навязывая её тем исследователям, которые стремятся постичь реальные процессы сознания. Речь у Гуссерля идёт о самой возможности чистого сознания (поэтому он и говорит о трансцендентальной феноменологии). Надо сказать, что естествознание XX в. стало широко использовать такого рода модели, которые никогда не смогут экземплифицироваться в каких-то реальных феноменах (например, абсолютно чёрное тело — модель, которая была построена и использована при исследовании излучений), будучи точкой отсчёта для экспериментальных измерений. После осуществления феноменологической редукции в рефлексии сознание открывается как непрерывный поток, как процесс, как нечто текучее. С такого рода текучей предметностью не имеет дела ни одна наука, которая всегда стремится остановить этот поток, зафиксировать процесс в некоторых состояниях. Чистое сознание — это поток, и его мо-

менты также текучи. Итак, трансцендентальная субъективность, о которой говорит в «Идеях» Гуссерль, начинает мыслиться им как процесс, как поток, где можно вычлениить определённые моменты, которые также текучи. Среди этих моментов — предметность актов, т. е. предметное содержание когнитивных актов.

В связи с этим возникает проблема онтологии. Гуссерль различает онтическое и онтологическое (обычно это различие связывают с именем его ученика Хайдеггера, но на самом деле оно было осуществлено Гуссерлем). Онтическое — это бытие, не охваченное мышлением, а онтологическое — это бытие, вовлечённое в орбиту сознания, или бытие-сознание, получившее у Хайдеггера обозначение как *Dasein*. Уже в «Идеях» возникает тема конституции предметностей сознания, т. е. полагания сознанием и его различными актами специфических областей онтологии, или специфических предметностей. Так, в феноменологии речь идет о конституции региона «вещь вообще» «Возьмём некий регион материальная вещь как руководство. Если мы правильно понимаем, что утверждает это руководство, то мы должны вместе с этим постичь более общую проблему, которая является важнейшей для большой и относительно замкнутой феноменологической дисциплины: проблему всеобщей „конституции“ предметностей региона вещь в трансцендентальном сознании, или, кратко говоря, проблему „феноменологической конституции“ вещи вообще» [Там же: 364]. Вещь — это не только *res extensa*, протяжённая вещь и предполагает не только пространственные размерности. Поскольку для Гуссерля важно подчеркнуть единство нозмы и ноззиса, постольку и вещь как определённая единица онтологии трактуется им в единстве с актами восприятия, которые не ограничиваются одним-единственным восприятием, а осуществляются во множестве восприятий и в некоей их последовательности. Это уже вводит время в саму структуру восприятия вещи.

Тема конституции, конститутивного синтеза кардинально изменяет позицию феноменолога: от позиции статичной феноменологии, для которой вещь конституируется в восприятиях как нечто тождественное в них, вместе с поворотом к генетической феноменологии вещь, схватываемая с очевидностью и адекватно в идее «вещи», начинает пониматься в безграничном прогрессе ее созерцаний, «в свободном процессе быстрого просмотра (*Durchlaufen*) глазами» [Там же: 367]. «Вещь дана в своей идеальной сущности как *res temporalis*, в необходимой „форме“ времени. Интуитивная „идеация“ (которая служит особым именем для созерцания «идеи») позволяет нам познать вещь как необходимым образом длящуюся, как принципиально бесконечно существующую относительно своей длительности. Мы схватываем в „чистом созерцании“ (ведь идеация — это феноменологически прояснённое кантовское понятие чистого созерцания) „идею“ временности и все моменты, заключённые в ней» [Там же: 368].

Итак, для Гуссерля вещь не тождественна чувственным качествам, заполняющих форму пространства, он стремится определить её с помощью как пространственных, так и временных размерностей, вводя понятие «схема вещи» (*Dingschema*) и рассматривая её в процессуальных категориях таких, как *Schauen* — усмотрение, *Meinen* — полагание, *Konstituieren* — конституирование, *Setzung* — полагание, *Objektivierung* — объективация и др. При таком понимании вещь в её корреляции с актом восприятия трактуется как предмет (*Gegenstand*) и предметность (*Gegenstandlichkeit*). Вместо термина «восприятие», используемого в статичной феноменологии, в генетической феноменологии Гуссерль использует термин «апперцепция». При этом он различает спонтанную активность, воспроизводящую вещь, и активность, конституирующую предметы. Спонтанная активность, о которой идёт речь в статичной феноменологии, не представлена в некоторых действиях. Это скорее событие восприятия, или работа, ведущая к очевидным данностям. В отличие от нее, конституирующая активность — это процесс полагания в действиях предметов. «Проблема конституции при этом ясно означает нечто иное, как то, что упорядоченные ряды явлений, необходимым образом приведенные к единству явления, могут быть интуитивно обозреваемы и теоретически постигаемы <...>

что они анализируемы и описываемы в своем эйдетическом своеобразии, что все закономерные успехи достигаются в понимании и в состоянии решить все загадки благодаря корреляции между определенным явлением как единством и определенным бесконечным многообразием явлений» [Там же: 371].

Фиксируя определённые слои трансцендентального конституирования вещи, Гуссерль обращается к схеме вещи как к критерию выделения этих слоёв. Так, чувственная схема (*Schemata*), или зримая вещь (*Sehdinge*) завершается ступенью субстанциально-каузальной вещи. Другой ступенью является intersубъективно тождественная вещь. «Интерсубъективный мир — это коррелят intersубъективного опыта, опосредуемого «вчувствованием» [Там же: 372]. В «Идеях» intersубъективность ещё трактуется с помощью процедуры вчувствования, позднее она станет предметом специальных размышлений и приобретёт совершенно иное толкование. Согласно Гуссерлю, Кант, допустив существование вещи-самой-по-себе, не был радикален в своей философии, в то время, как необходимо исходить из корреляции между субъективным и объективным, между трансцендентальной субъективностью и предметностью, конституируемой ею. Сам Гуссерль, правда, отмечает несовершенство своего изложения проблем феноменологии в «Идеях». Это, прежде всего, касается проблем intersубъективности и конституции, которым он в дальнейшем посвятит не один десяток страниц различных рукописей. Поворот Гуссерля к проблемам конституции и intersубъективности обусловлен его поворотом к проблемам истории, о котором он сам заметил: «Я хотел бы осуществить в форме исторической медитации самоосмысление нашего собственного современного философского состояния, причём, надеясь в ходе этого обрести, в конце концов, смысл, метод и начало философии, которая хочет и может посвятить себя нашей жизни» [Гуссерль 1996: 211]. И несколько далее он самокритично характеризует и собственный подход: «Господствующая догма о принципиальном разрыве между теоретико-познавательным и генетическим истоком в корне ложна, поскольку обычно понятия „истории“, „исторического объяснения“ и „генезиса“ непозволительно ограничиваются» [Там же: 233]. Не следует использовать только анализ генезиса тех или иных форм сознания (в этом суть генетической феноменологии бытия-сознания). Необходимо обратиться к истории, к исторической традиции, к intersубъективному, «жизненному» миру сообщества людей, к их языку и к культуре. Можно увидеть в этом повороте радикальное изменение позиции Гуссерля (как считает Михальский), но можно увидеть существенное расширение феноменологической позиции, приводящее генетическую феноменологию к обсуждению проблем истории, которое проводится с позиции абсолютной, трансцендентальной субъективности. И все феномены сознания, и все модусы бытия-сознания, и все способы переживания временности отныне укореняются в «потоке жизни» — историческом процессе.

Темпоральность и история

В 30-е гг. XX в. феноменологический анализ всё более и более историзируется. Гуссерль выявляет определённые слои историчности, которые он и стремится анализировать. Первичным слоем для него является наивно-естественная историчность, представленная во взрослении ребёнка, его нормальном вращении в домашнюю среду, его подражание поведению взрослых. Это — родной мир (*Heimwelt*). Иными словами, это жизнь человека, имеющая начало и конец и формирующая то, что в феноменологии было названо «естественной установкой». Вторым слоем историчности является историчность политического существования, которая связана с усвоением мира Другого Я, «систем нормальности», обусловленных наличием чужого мира, языком сообщества живущих в нем. Эта историчность шире, чем первая, поскольку предполагает выход за пределы домашнего мира и выход к более широким контекстам жизни. Одни «системы нормальности» (семейные, национальные) вторгаются в поле жизни других наций и на их территорию, усваивают их, оккупируют их. Так складывается

ся общее с чужим жизненным миром сообщество, государственное объединение, из сообщества различных поколений людей возникает сообщество волею как система политического господства.

Понятие «жизненного мира», бывшее центральным в «Кризисе европейских наук...», как раз и фиксирует этот тип историчности и специфические для него структуры переживания временности. «Жизненный мир» у Гуссерля включает в себя то, что Хайдеггер назвал «подручностью»: это определённые вещи, которыми мы пользуемся. Но его состав шире, чем подручность, поскольку включает объективный мир наук, их аппараты и машины, более того, то опредмечивание идей наук, которое и является истоком кризиса европейских наук.

Третьим слоем историчности является историчность, обусловленная разделением труда. Благодаря этой историчности возникают новые формы как практического действия, так и познания, представленного в мире науки, которая является для Гуссерля оселком складывания европейской «системы нормальности» и европейского человечества. Европейская «система нормальности» распространяется благодаря общению с другими народностями и нациями, утверждается над политической историчностью благодаря регуляции своих отношений с помощью международного права и его признания со стороны других, не европейских народов. Опыт человека характеризуется бесконечно открытым горизонтом, который возможен для людей, вступающих в актуальные отношения со мной и друг с другом. Это означает, что историчность перерастает в историчность взаимодействующих субъектов, объединённых в единое сообщество. Она «включает в себя способы сознания, в которых значимы природа и дух в любом смысле, человеческий или животный дух, объективный дух как культура, духовное бытие, такое, как семья, сообщество, государство, народ, человечество» [Husserl 1973: 559]. Это и называет Гуссерль интерсубъективностью, которая складывается при образовании сообщества конечных монад. Историчность — это живое движение сосуществования и переплетения исходного смыслообразования и оседания смысла, которое предполагает новое оживление смыслов, осевших в произведениях прошлого и превращающихся в актах в настоящем в актуальные смыслы. Это — очищение смысловых наслоений, превращение смыслов из латентных в актуальные.

Историчность во всех её формах выявляет телеологию, скрытую в истории, или, как говорит Гуссерль, она является процессом «обнаружения универсального разума, врождённого человечеству как таковому» [Гуссерль 2004: 12]. Эта телеологичность представлена в генеративности истории, принципиально отличающейся от биологической генеративности, от сменности биологически понятых поколений. Генеративность — это «связь современных и умерших личностей, которые, хотя и умерли, однако и сейчас ещё воспроизводимы, могут быть часто повторены, благодаря ретропониманию в мышлении и в произведениях, актуально присутствуют и плодотворно воздействуют, поддерживая, а иногда и тормозя мысли нынешних современников...» [Husserl 1962: 365] Рождение и взросление человека является одним из условий возможности истории, которая складывается из взаимодействия различных поколений, а время их жизни — это время их специфических перспектив как личностных, так и «особых социальностей» (*Sondersozialitaet*) — семьи, народа, эпохи.

Третий тип историчности Гуссерль называет абсолютной или феноменологической. Речь идет о тотальном человечестве, которое представлено европейским человечеством. Темпоральность этого типа историчности начинается с греческой философии, с её теоретической установки — философ «постоянно и заранее решает посвятить свою будущую жизнь, всегда понимаемую как универсальная жизнь, теоретической задаче — сконструировать теоретическое знание на теоретическом познании. В отдельных личностях, таких, как Фалес и др., вырастает новое человечество; люди, которые профессионально создают философию как форму культуры. Само собой разумеется, что вскоре возникает новое объединение в единое сообщество (*Vergemeinschaftung*)» [Там же: 332–333]. Этот новый тип историчности задаёт сознанию новые горизонты, преодолевая и освобождаясь от горизонтов «домашнего мира»

(*Heimatswelt*). Он представлен, прежде всего, в самоосмыслении — как в ретроспективной рефлексии, так и в формировании проекта будущего, будущих действий. Это сплав (*Verschmelzung*) различных перспектив и определения смысла многообразных субъектов ряда поколений. Феноменологический поиск начала истории означает для Гуссерля раскрытие историчности сознания. Сознание порождает темпоральную структуру конститутивных актов, которая представлена в последовательности ретенций и протенций — конститутивных актов как актуальных, так и возможных в будущем. В «анализе пассивных синтезов» Гуссерль недвусмысленно отождествляет сознание и темпоральность: «Сознание есть непрерывное становление как непрестанное конституирование объективностей в непрестанном процессе последовательных ступеней. Оно есть никогда не прерывающаяся история. И история есть постепенное, проникнутое властью имманентной телеологии, конституирование всё более высоких смысловых образований. И всякому смыслу принадлежит истина и норма истины. История в обычном смысле в её связи с культурой — это только высшая ступень, и также и её бытие в себе предначертано» [Husserl 1966: 218–219]. Эти ступени, или слои, сознания накладываются друг на друга, переходят друг в друга, трансформируя нижележащие уровни и создавая новые горизонты как восприятия, так и действия. Каждая из этих ступеней обладает специфической темпоральностью, особым переживанием временности и своей жизни, и существования политических, профессиональных, национальных объединений, и бытия абсолютного — феноменологической субъективности, представленной в европейском человечестве.

Гуссерль Э. 1988. Логические исследования, т. 2, ч. 1. Исследования по феноменологии и теории познания. Исследование V. Об интенциональных переживаниях и их «содержаниях». — Кузьмина Т.А. (отв. ред.). *Проблемы онтологии в современной буржуазной философии*. — Рига: Зинатне. — С. 282–298.

Гуссерль Э. 1994. Феноменология внутреннего сознания времени. — Гуссерль Э. *Собр. соч.* Т. 1. М.

Гуссерль Э. 1996. *Начало геометрии (Вопрос об истоке геометрии как интенционально-историческая проблема)*. — М.

Гуссерль Э 2001. *Картезианские медитации*. — М.

Гуссерль Э. 2004. *Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология*. — Спб.

Гуссерль Э. 2006. *Идея феноменологии*. — Спб.

Данилевский Н.Я. 1885. *Дарвинизм. Критическое исследование*. — Спб.

Михальский К. 2010. *Логика и время. Хайдеггер и современная философия* / Пер. с польского Е. Твердисловой. — М.

Неретина С.С. 2012. Инвариантность и рост знания: К. Поппер и Парменид. — Генисаретский О.И., Огурцов А.П. (отв. ред.). *Методология науки и антропология*. — М.: ИФРАН. — С. 88–130.

Husserl E. 1950. *Ideen zu einer reinen Phänomenologie und phänomenologischen Philosophie. Erstes Buch*. — *Husserliana*. Bd. III. Haag.

Husserl E. 1962. *Die Krisis der europaeischen Wissenschaften und die transzendente Phänomenologie*. — *Husserliana*. Bd. VI. Haag.

Husserl E. 1966. *Analysen zur passiven Synthesis*. — *Husserliana*. Bd. X1. Haag.

Husserl E. 1973. *Zur Phänomenologie der Intersubjektivität*. 3 Teil. — *Husserliana*. Bd. XV. Haag.

Husserl E. 1980. Die Bernauer Manuskripte. — *Husserliana*. Bd. XXXIII. Haag. 1980; Phantasie, Bildbewusstsein, Erinnerung. Zur Phaenomenologie der anschaulichen Vergegenwaertigungen. Texte aus dem Nachlass (1898–1925). — *Husserliana*. Bd. XXI. Haag.

Sokolowsky R. 1964. *The Formation of Husserls Concept of Constitution*. — Den Haag.

Spiegelberg H. 1974. Neues Licht auf die Beziehungen zwischen Husserl und Pfänder. — *Tijdschrift voor Philosophie*. — V. 36.